

МИНОЙСКАЯ НАДПИСЬ, НАЙДЕННАЯ В БУРГАСЕ (БОЛГАРИЯ)

В 1954 г., при разведочном исследовании одного праисторического поселения в окрестностях гор. Бургаса был обнаружен брусок из обожженной глины с коротенькой минойской надписью (рис. 1 *a—e*). В предлагаемой заметке автор пытается дать толкование текста и вместе с тем указать значение, которое имеет эта находка при изучении проблем истории Причерноморья во II тыс. до н. э., особенно при обсуждении вопроса о проникновении минойской культуры в этот район.

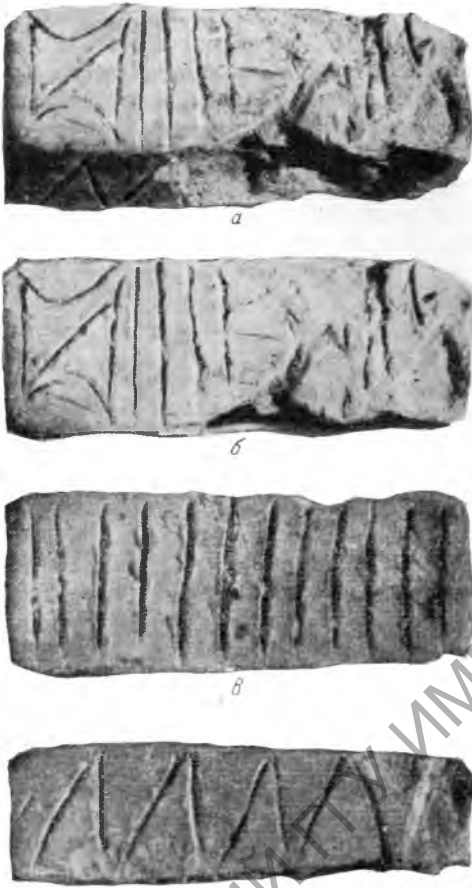

Рис. 1. Керамический брусочек, найденный в гор. Бургасе: *а* — общий вид; *б* — передняя сторона бруска; *в* — тыльная сторона бруска; *г* — верхняя продольная сторона бруска

Брусочек имеет форму правильной четырехгранной призмы, размером $7,9 \times 2,8 \times 2,2$ см. Подобные плитки¹ известны среди находок на Крите (рис. 2). Ближе всего бургасский брусочек к керамическим плиткам из Маллии, не имеющим, как и он, сквозного отверстия для подвешивания на веревке².

При общем сходстве с критскими брусочками бургасская находка имеет некоторые отличия в схеме расположения надписи. Так, например, на критских брусочках с надписями знаками покрывали все продольные стенки, причем иногда одна из них оставалась гладкой. Бургасский брусочек имеет текст только на одной из продольных стенок (рис. 1*а*), на противоположной выпарпано 12 отвесных черточек (рис. 1*в*), а каждая из остальных продольных стенок несет изображение зигзага (рис. 1*а* и *г*).

Несмотря на повреждение продольной стороны с надписью текст можно истолковать. Отвесные черточки, которые идут за пиктограммами, позволяют понять, что речь идет о списке с обозначением числа предметов, а вместе с этим дают указание о направлении чтения. Маленький крест, поставленный косо в правом верхнем углу, также ясно указывает конец надписи³. Этот знак, а также и знак хорошо известны в обеих линейных системах минойской письменности, в минойском иероглифическом письме; специально он употребляется в памятниках кипро-минойской письменности и в классическом кипрском силлабарии, в котором он имеет звуковое значение *ta*⁴.

¹ О форме см. Н. В. Hall, *The Civilization of Greece in the Bronze Age*, L., 1928, стр. 93, рис. 108; Alice E. Kober, *The Minoan Script: Fact and Theory*, AJA, 52 (1948), стр. 86, рис. 2.

² Шапутье (E. Chapotier, *Les écritures minoennes au palais de Mallia*, P., 1930, стр. 12) подчеркивает важность этой подробности и указывает, что брусочки без отверстия представляют более позднюю ступень развития типа брусочков и появляются накануне времени, когда для нужд минойской письменности были введены плоские глиняные плитки. О значении этой подробности для датировки данного типа см. там же, стр. 7, прим. 3, и стр. 12.

³ J. Sundwall, *Die kretische Linearschrift*, JdI, 30 (1915), стр. 42; Emmet L. Bennett, *Fractional Quantities in Minoan Bookkeeping*, AJA, 54 (1950), стр. 205.

⁴ J. Sundwall, ук. соч., стр. 42 сл.; J. Fr. Daniel, AJA, 45 (1941), стр. 254, рис. 1.

Первый знак публикуемой надписи не встречается, как имеющий звуковое значение, ни в одной из двух линейных систем минойского письма, но имеет значительное число параллелей в пиктограммах на кносских плитках (рис. 3), на которые указал уже А. Эванс¹. Он толковал их как обозначение тех слитков из меди (рис. 4), ко-

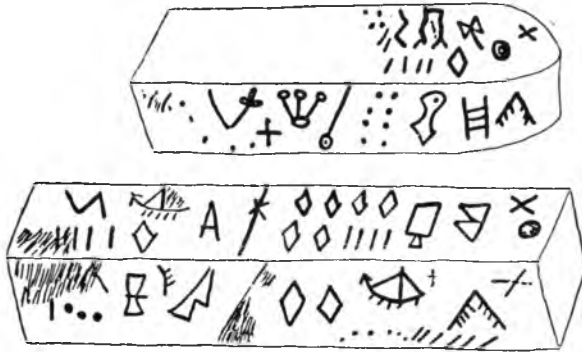

Рис. 2. Кносские керамические бруски с отверстиями

торых было найдено значительное количество в Агия Триаде, Мохлосе, Палекастро, Кноссе, а также в Микенах, в море у Кима на острове Эвбея, в Сардинии, Далмации и в Энкоми на острове Кипр².

Значение, которое эти слитки имели в обиходе, можно понять из того факта, что их изображения имеются в ряде художественных произведений не только Крита, но и соседнего Египта. Самые важные среди последних — фрески склепа Рехмира (рис. 5), высшего чиновника Тутмоса III (1521—1473 гг. до н. э.), на которых изображены сцены получения даров из чужеземных стран³. Подобный же слиток помещен на плечах человеческой фигуры, украшающей бронзовую подставку в ажурной технике⁴.

С другой стороны, на многих из найденных слитков выцарапаны на уже застывшем металле⁵ знаки минойской письменной системы (рис. 6), что не допускает никакого сомнения относительно связи этих слитков с Критом. В не-

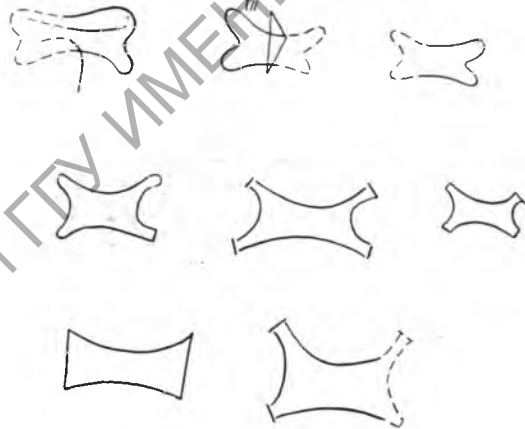

Рис. 3. Знаки медных слитков на керамических брусках из Кносса

¹ A. Evans, *Minoan Weights and Mediums of Currency from Crete, Mycenae and Cyprus* в «*Corolla Numismatica, Numismatic Essays in Honour of B. V. Head*», L., 1906, стр. 336—367.

² D. F i m m e n, *Die kretisch-mykenische Kultur*, Lpz — B., 1921, стр. 122. В отличие от В. Чайлда (V. G. C h i l d e, *The Bronze Age*, Cambridge, 1930, стр. 29) Фиммен, по моему с основанием, сомневается в возможности связать рассматриваемые слитки с критским двойным топором.

³ G. G l o t z, *La civilisation égéenne*, P., 1923, стр. 239, рис. 35; D. F i m m e n, ук. соч., стр. 122 и особенно стр. 181 сл.

⁴ St. C a s s o n, *Ancient Cyprus*, L., 1937, стр. 128, табл. VIII.

⁵ См., напр., А. Е v a n s, ук. соч., стр. 357, по которому сделан наш рис. 6.

которых случаях на кносских керамических таблечках минойские знаки сопровождают пиктограммы слитков¹.

Особый интерес представляет одна фрагментированная таблечка из Кносса (рис. 7а), на которой упомянутая пиктограмма медного слитка сопровождается цифрой 60, за которой изображены весы и цифровые знаки; последние Эванс толкует как $52 \frac{1}{2}$ ².

Рис. 4. Медные слитки из Кносса

Эванс понимает эту надпись как указание о цене 60 медных слитков в золотых единицах. Указанное объяснение, однако, могло бы быть принято только при условии, что все медные слитки имели бы постоянный вес, что, однако, не подтвердилось наблю-

Рис. 5. Сцена подношения даров на фресках гробницы Рехмира

дениями. Например, экземпляры из Агиа Триады можно свести приблизительно к 29 кг среднего веса; найденные у Эвбеи распределяются в три группы со средним весом соответственно 7,231 кг, 12,781 кг и 6,14 кг и т. д. При этом разнообразии в весе дошедших до нас слитков более убедительной представляется позиция Хаджидакиса, который

¹ См., напр., у Э в а н с а, ук. соч., специально рис. 11 и наш рис. 3, 2, на котором пиктограмма сопровождается знаком ┐ , который стоит в комбинации двух черточек, обозначающих число 2. Интересно, что и упомянутый выше слиток, кроме знака ┐ имеет и знак └ .

² А. Э в а н с, ук. соч., стр. 357 и 361 сл.

видит в этих слитках только стандартную форму, в которой выпускалась на рынке сырая медь¹. В таком случае и кносскую таблетку, о которой идет речь, не надо понимать вместе с Эвансом как что-то вроде сводки стоимости меди в золотых единицах, а скорее всего как документ с обозначением веса данных 60 медных слитков в критской единице веса. Таким образом, толкование текста облегчается, причем исчезает необходимость в тех натянутых предположениях, которые сделал Эванс, чтобы подвести данные к воображаемой золотой единице. В действительности, если принять, что единица веса при критских царях середины II тыс. до н. э. была 29 кг², указанные 60 слитков, которые равнялись 52 1/2 критским единицам веса, весили бы всего 1522,5 кг, что дает для одного слитка 25,37 кг, вес очень близкий к самым легким слиткам Агия Триады.

Таким образом, и назначение опубликованной Эвансом плитки становится понятным — при литье слитков, несмотря на стремление придать им для удобства меновой торговли стандартную форму и однообразный вес, получались значительные колебания. При 19 слитках из Агия Триады это колебание достигало 5 кг, т. е. 1/5 веса самых малых экземпляров. При этом возникла необходимость в сопроводительном документе, каким и является упомянутая кносская плитка, в которой указывался общий вес данного количества медных слитков³.

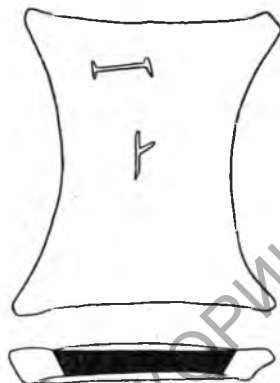

Рис. 6. Письменные знаки на медном слитке

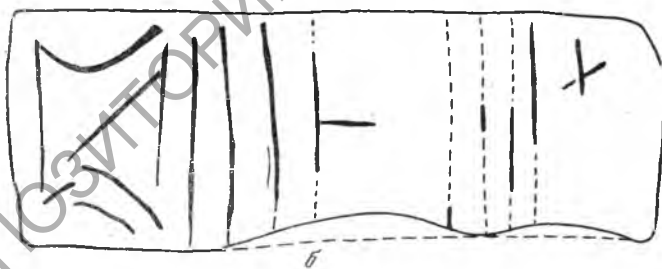
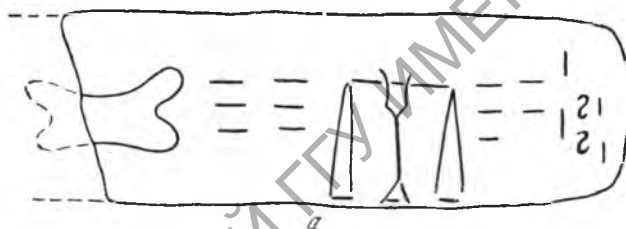

Рис. 7. а — надпись из Кносса со знаком медных слитков; б — надпись на бруске из окрестностей Бургаса

¹ 'Αρχαιολογική ἐφημερίς, 1912, стр. 220 сл.

² См. А. Е v a n s, ук. соч., стр. 342 сл.; D. F i m m e n, ук. соч., стр. 122.

³ J. S u n d w a l l, Über die kretischen Masszeichen, AAA, IV, стр. 1 сл., который, соглашаясь с объяснением Эванса, понимающего пиктограмму «весы» как знак единицы стоимости, и опираясь на возражения Дюссо, Фиммена и Хаджидакиса, думает, что вместе с этим «весы» могут быть и знаком единицы веса. Он также полагает, что указанные медные слитки не представляют единиц веса или стоимости: «Die gefundenen Kupferbarren sind eher Gebrauchsstücke als eine Gewichts- und Werteinheit gewesen...» (ук. соч., стр. 8).

Анализ описанной плитки помогает нам понять смысл и содержание найденного под Бургасом бруска. Из его первой части понятно, что речь идет о трех медных слитках¹. Вторая половина текста, как и надо было ожидать, указывает их вес. О правильности нашего объяснения говорит факт, что знак **┐** встречается, как указано выше, на самих медных слитках, а также и в связи с их пиктограммами. Выдвигаемое нами положение подтверждается, с другой стороны, и полной параллельностью двух текстов — бургасского бруска и только что рассмотренной плитки из Кносса. Попытки ближе уточнить, какая единица веса обозначалась разбираемым² знаком или каков был вес всех трех слитков, упомянутых в публикуемом бруске, при неудовлетворительной сохранности его второй части, где находились знаки для числа, увели бы нас в область догадок. Отказываясь от догадок, отметим только, что можно лишь предполагать здесь число 4.

Бургасский брусок со своей типичной формой и характерными особенностями позволяет со значительной степенью вероятности уточнить время, к которому можно его отнести, — он, очевидно, может быть сопоставлен с соответственными материалами из Маллии, которые Шапутье (ук. соч., стр. 7) отнес к Ср.-М. III, т. е. к периоду 1700—1580 гг. до н. э.³ Таким образом, мы получаем надежный опорный пункт для хронологии праисторического поселения под Бургасом, в котором был найден наш брусок, а вместе с этим и еще один факт, уточняющий синхронизацию эпохи бронзы в Болгарии с событиями, происходившими в Средиземном море. Это обстоятельство делает крайне необходимым немедленное исследование упомянутого поселения.

Бургасская находка позволяет сделать некоторые заключения, бросающие свет на самый ранний период истории Причерноморья. Прежде всего она имеет самое решительное значение при исследовании вопроса о связи черноморского мира с югом. Ряд исследователей, опираясь на внимательный анализ античных мифов и на еще немногочисленные археологические материалы, уже указывали, что области Черного моря имели связи с эгейским миром задолго до появления греческих колонистов⁴, но все-

¹ Косая черточка, которая соединяет правый верхний угол с левым нижним у знака медных слитков, не представляет ничего неожиданного. С подобными дополнительными, еще не вполне выясненными подробностями рассматриваемый знак встречается и в кносских надписях, как это видно из примеров (см. рис. 3, 1 и 2). С другой стороны, и отвесное положение знака в публикуемой надписи имеет свое оправдание — достаточно отметить, что для чтения минойских знаков, выпаранных на застывшей меди, медные слитки надо поставить в вертикальное положение, как это видно из рис. 6.

² Глотц (G. G l o t z, ук. соч., стр. 227) говорит: «В Кноссе даже нашлись куски, литые из серебра, со знаками **┐** или **┐**, один из которых представляет половину другого. (Так как второй позже будет означать драхму, половину статера, и так как критская драхма имеет вес 3,654 г, можно предполагать существование монетной системы, в которой серебряный статер равен одному «финикийскому» сиклу в 7,308 г....». На стр. 432, однако, говорится: «Цифрами сопровождали знак **┐**, который, прежде чем принял форму **┐**, чтобы обозначать на Кипре та и в Греции драхму, вероятно, имел на Крите значение таланта, единицы веса и стоимости».

³ Появление минойской надписи этой эпохи в Причерноморье находит полное оправдание с точки зрения истории связей Крита с остальной частью античного мира этого времени, о чем см. ниже.

⁴ А. А. И е с с е н, Греческая колонизация Северного Причерноморья, Л. 1947, стр. 14—33. Подробно рассматривает этот вопрос В. Д. Б л а в а т с к и й, Архаический Боспор, МИА, т. 33 (1954), стр. 7 сл. Очень важна мысль В. Г. Чайлда: «Если минойская декоративная традиция не была введена в среднедунайскую область протагонистами Аргонавтов, то все-таки ее существование предполагает появление эгейских купцов в устьях Дуная» (V. G. C h i l d e, The Minoan Influence on the Danubian Bronze Age, «Essays in Aegean Archeology Presented to Sir Arthur Evans», Oxford, 1927, стр. 4).

таки были авторы, которые смотрели с недоверием на предположение о таких ранних отношениях этих двух районов¹. Теперь, при наличии новооткрытого минойского письменного документа подобный скептицизм является в значительной мере неоправданным.

Но появление бруска с сохранившейся минойской надписью в одном поселении на самом морском берегу выдвигает вопрос и о способе, по которому оформлялись эти связи. В. Д. Блаватский (ук. соч., стр. 7) различает три этапа в длительном процессе проникновения пришельцев с юга в Черное море. Первый из них он связывает с занимающей нас эпохой, определяя его как «период спорадических посещений Понта кораблями купцов-пиратов, проливавших туда из Эгейского моря». Рассматривая далее вопрос о связи местного населения с южными мореплавателями, исследователь Причерноморья, после констатации, что отношения были главным образом враждебными, продолжает: «... предприимчивые южане, пускавшиеся в далекий, страшный, „негостеприимный“ Понт, видимо, главным образом тогда прибегали к меновой торговле с местными обитателями, когда не были в состоянии захватить желаемое силой» (ук. соч., стр. 11). Новооткрытый памятник, однако, позволяет предложить иное решение вопроса — он скорее всего свидетельствует о продолжительных, урегулированных отношениях, при которых обе стороны искали прочную основу для своей меновой торговли.

Вместе с этим новая находка выдвигает одну очень серьезную проблему: кто были обитатели поселения, из которого происходит публикуемый брусок? Можно ли допустить, что речь идет об эгейских переселенцах и, таким образом, найти серьезное основание для неясных указаний античных авторов о ранних поселениях обитателей Эгейского бассейна по черноморскому побережью, или надо предполагать, что как письменная, так и весовая система Крита были знакомы местному населению Причерноморья? Оба возможных решения данного вопроса весьма важны для уточнения этнической картины Западного Причерноморья около середины II тыс. до н. э., а вместе с этим и для выяснения его отношений с южными странами. Если попробовать установить, какие события более широкого масштаба могли служить прямым поводом для возникновения этих отношений, то следует учитывать то обстоятельство, что в период, к которому относится публикуемая надпись (т. е. с 1700 по 1580 г. до н. э.) произошло ослабление связей Крита с Египтом, который попал под власть гиксосов². Возможно, что для своей торговли Криту пришлось искать новые области — известно, что в этот период экономические связи Крита и Греции стали очень интенсивными. При этом минойские корабли могли проплыть через проливы и появиться в Черном море. Каковы были особенности этих связей севера Балканского полуострова с бассейном Эгейского моря, сколь широкая территория была ими охвачена — все эти вопросы смогут разрешить будущие археологические исследования поселений эпохи бронзы в Западном Причерноморье.

Ив. Гълъбов

¹ Из работ последнего времени укажем на Rhys Carpenter, *The greek Penetration of the Black Sea*, *AJA*, 52 (1948), стр. 1—10: «there was no preclassical („Mycenean“) penetration of the Pontus». Технические соображения автора не представляются нам достаточно убедительными.

² G. Glotz, ук. соч., стр. 53 сл.